

Анатолий Агарков

Самои

Электронная версия

Самой

*Людей терзает необъятность вечности.
И потому мы задаёмся вопросом:
услышат ли потомки о наших деяниях,
будут ли помнить наши имена, когда мы уйдём,
и захотят ли знать, какими мы были,
как храбро мы сражались,
как неистово мы любили.
(Д. Бениофф)*

Мало солнце, но хватает его на весь раскинувшийся под ним край. И от него колеблется маревом горизонт. Слепящий блеск играет в зеркалах бесчисленных озёр. Чуть приметными морщинами рождаются под ветром волны и, разгоняясь на просторе, набирают мощь, вскипают пенной гривой, без усталости моют прибрежные пески и раскачивают камыши. Рыба, дичь кишмя кишит.

Меж озёр громоздятся горы, замшелые, до самой макушки заросшие шиповником, акацией, сосной и берёзой. В густых лесах, в горных распадках, в низинах и долинах, в степях и поймах рек – всякой птицы, всякого зверья можно встретить.

В утробе седых громад, размытых, разрушенных, навороченных – и железо, и медь, и золото, и ртуть, и свинец, и графит, и цемент, и чего только нет, а уголь чёрным глянцем выступает по всем трещинам, залегает могучими пластами. Под мохнатыми корнями вывороченной бурей вековой сосны вдруг тонко заиграют радугой искристые самоцветы.

От гор, от лесных озёр потянулись на юг степи, потянулись и потеряли границы и пределы. Когда плужный лемех режет в широком поле борозду, отваливается такая мягкая земля, что не земля, а пух, хоть подушки набивай. Но иной раз вывернется со скрежетом проржавелый железняк или скругленный некогда речными струями булыжник.

Какую удивительно родящую силу таит в себе эта земля! Вспашешь стерню или целину, былинки не оставишь от буйного царства зелени – глядь, после дождя побего пошли, глядь – и затянулась чёрная рана.

После долгой зимы, заслезится под лучами снег, сойдёт, прольют дожди, напьётся жадная земля, а потом начнётся радующая глаз и сердце безумная борьба за жизнь всего живого.

Кто же хозяева этого чудесного края?

Мордва, чувашаи, башкиры живут здесь с незапамятных времён.

А вслед за Ермаком Тимофеичем пришли и расселились по берегам рек и озёр донские казаки. Диким и страшным тогда казался край. Трескучими морозами, слепящими метелями пугал Седой Урал. Повылазили из болот, из камышей скрюченные, пожелтевшие лихорадки, впились в донцов, не щадили ни старого, ни малого, много сгубили народу. В кривые сабли и меткие стрелы приняли пришельцев инородцы. Плакали казаки, вспоминая родной Дон, и день, и ночь бились с болезнями, «татарвой», с дикой землёй – нечем было поднять её вековых, нетронутых человеком залежей. И выстояли, выжили, подняли землю, развели скот, обустроили станицы.

В пору царствования Екатерины Великой безвестный на Урале петербургский сановник граф Николай Мордвинов выиграл в карты деревеньку без земли в Курской губернии, а другую выменял на борзых, и пригнал крепостных в эти места. Первые поселения крестьян на Южном Урале так и назывались в честь барина-благодетеля – Николаевка да Мордвиновка. Повторилась вновь трагедия первопроходцев – и нужда, и голод, и стычки с инородцами. Но выжили «куряки» и прижились на Южном Урале – распахали целину, понастроили деревень да хуторов с церквями, школами.

После отмены крепостного права новая волна переселенцев хлынула на Урал из-за Волги. Потянулись гонимые нуждой из Рязанской, Тамбовской, Вятской губерний, из Украины. Потянулись голь и беднота с убогим скарбом, голодными детишками, расселились по деревням и станицам и щёлкали, как голодные волки, зубами на пустующие земли, которые нечем было поднять. И стали батраками переселенцы у казаков, зажиточных «куряков», которые всячески теснили их, драли по две шкуры за каждую пядь освоенной земли и с глубоким презрением называли «калдыками». А вчерашние крепостные, упорные, как железо, без своей земли, поневоле бросающиеся на всякие ремёсла, на промышленную деятельность, изворотливые, тянущиеся к свободной и сытой жизни, платили богатым тою же монетой – «куркули», «челдоны».

Прекрасный край, трудолюбивый народ, пропитанный, как горькой жёлчью, едкой злобой, ненавистью и презрением друг к другу.

Отчего это с хриплыми криками бегают по улицам николаевские мужики, растеряв шапки? Бегают взад и вперёд, раскидывая лаптями и валенками сыпучий снег, и рёв сотен глоток сотрясает хмурое небо. Праздник что ли? А пятисотпудовый церковный колокол, надрываясь, мечет тревожный набат по округе.

Что-то произошло в далёком Петербурге, и вот уже в Москве идут бои. Никто толком не знает - кто с кем и за что дерётся. Одно только врезалось в сердце, и было понятным:

- Долой царя-кровопийцу!

Всколыхнулась Николаевка, прогнали управляющего и взяли власть в свои руки. Не было тогда у далёкого царя силы побороть эту стихию. Но поползли по станицам слухи, что «калдыки» с «куряками» сговорились землю у казаков отнять. И потемнели станичники, стали враждебно коситься на разгулявшееся крестьянство.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО ЗДЕСЬ

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php